

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА, БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО

УДК 821.161.1

ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА ПАНИЧ

ЖАНР ВИДЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ЖИТИЯ ПАТРИАРХА ИОАКИМА*

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье исследуется цикл видений из Жития патриарха Иоакима, выявляются принципы использования устных рассказов визионеров, определяется их литературная специфика и функция в структуре повествования. Видения рассматриваются как источник и средство формирования агиографического образа патриарха.

Ключевые слова: жанр видений, сюжеты, авторская интерпретация, агиографическая топика, образ святого.

Жанр видений, как известно, был одним из популярных жанров древнерусской литературы, функционировавший как самостоятельно, так и в составе сочинений самых разных форм. Особенно часто видения встречаются в агиографических памятниках. Примером тому может служить Житие патриарха Иоакима, созданное в конце XVII в.¹

Центральную часть композиционной структуры Жития занимает послание архимандрита Новоспасского монастыря Игнатия Римского-Корсакова Афанасию Холмогорскому, посвященное описанию болезни и кончины патриарха Иоакима [3, с. 121–127]. В своем повествовании Игнатий обращается к жанру видений, насыщая текст рассказами о чудесных явлениях, сопутствовавших воспроизводимым событиям. Здесь сообщается об одном «небесном знамении» (огненном зареве над Кремлем, возвестившем о кончине предстоятеля Церкви) и описывается девять видений, сюжеты которых также связаны с темой смерти патриарха: самого патриарха Иоакима, игумена Сретенского монастыря Пахомия, «рыбника» (рыбака) Петра, domestика Новоспасского монастыря Харлампия, Андрея Винууса, архимандрита Петровского монастыря Иова и царского стольника Георгия (ему покойный патриарх являлся трижды)².

Хронология всего цикла видений укладывается в очень короткий период времени. Три из них (патриарха Иоакима, игумена Пахомия и domestика Харлампия) относятся к последним дням жизни патриарха; остальные происходят после кончины Иоакима (но еще до его погребения, которое состоялось 18 марта 1690 г.). Последовательность реальных событий определяет логику композиционного расположения видений в структуре повествования. Видения инкорпорированы в текст, как правило, с указанием времени и места события; в преамбуле к рассказу или в заключении автор называет имя тайнозрителя или лица, пересказавшего видение (это реальные духовные и мирские лица из окружения патриарха). Например: «якоже повѣда той сам святѣйшій Иоаким патриарх... боярину Михаилу Иоанновичю Глѣбову, той же мнѣ, смиренному... повѣда» (л. 61 об.); «повѣда же сие видѣние оный Андрѣй пречестному отцу Ефимию, старому келарю Чюдовскому, той же Ефимий мнѣ в бесѣдовании духовном исповѣда. Вопросих же аз и онаго Андрѣя, и той такожде сказа ми» (л. 62 об.) и т.п.

Упоминание имен персонажей видений и самих визионеров, которые в определенной степени являются «соавторами» архимандрита Игнатия, призвано обосновать достоверность каждого случая, сообщить ему характер документального свидетельства. Такое стремление к документальности составляет специфику агиографического и других жанров в XVII в. [4, с. 92–96; 5, с. 154]. Писатель постоянно подчеркивает, что передает услышанное в первоизданном виде, без собственных домыслов («басенных ухищрений»), не подвергая устные рассказы о видениях литературной обработке. Например: «И якоже аз от него слышах, сицѣ

1 Житие известно в двух списках первой четверти XVIII в.: РГБ, собр. И.Д. Беляева, № 29/1535; РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, II, № 14. Библиографию работ, посвященных сочинению, см.: [1, с. 351–355]. Нами были установлены две редакции Жития: первоначальная и сокращенная [2, с. 41–94]. В настоящей статье используется список РГБ, собр. И.Д. Беляева, № 29/1535 (первоначальная редакция); далее в основном тексте ссылки на листы рукописи приводятся после цитаты в круглых скобках.

2 По неясным причинам имя этого ясновидца называется только в третьем его видении, в первых двух он фигурирует как безымянный прихожанин соборной церкви: «нѣкто от чина царских столников и княжеского рода» (л. 54 об.); «от царския полаты столник княжеского рода» (л. 59 об.).

и написях, не ухищрениям басням, да и нам послѣдующе, но истиннаго, от такового честнаго мужа от уст слышавшу ми и написавшу» (л. 39 об.–40).

Однако, несмотря на подобные заверения архимандрита Игнатия о тождестве его текста устным («от уст») рассказам визионеров, сюжеты видений, несомненно, видоизменились в той или иной степени на стилевом, смысловом и структурном уровнях. Пропущенные через фильтр его личного восприятия и осмысления, все сюжеты цикла претерпели определенную литературную обработку, отражают собственную позицию писателя относительно освещаемых событий³. Необходимо учитывать и возможность трансформации уже письменно зафиксированного текста, наложения новых смыслов на заложенные изначально идеи в ходе рукописной жизни сочинения, так как авторский текст не сохранился; по крайней мере, до сих пор неизвестен. Мы располагаем лишь его списками, причем с явными признаками порчи: текст содержит ошибки и пропуски [2, с. 50].

Принимая во внимание отмеченные обстоятельства, рассмотрим литературные особенности собранных и интерпретированных архимандритом Игнатием рассказов тайнозрителей, обратившись непосредственно к сюжетам цикла видений.

ВИДЕНИЕ ПАТРИАРХА ИОАКИМА

Содержание видения излагается от лица патриарха. Во время болезни (которая началась 4 марта, в среду первой седмицы Великого поста), незадолго перед смертью, когда Иоаким находился один в своей келье (сидел «на одре своем»), за ним явились некие люди с приглашением от царя. Провожатые привели патриарха в «великую и прекрасную» палату, где были накрыты две «трапезы»: для царя и патриарха. Визионеру здесь были предложены разные яства: «рыбы великия и части рыбны, велми тучныя, и протчая сладчайшая и рыбная брашна», л. 36 об. Но такое нарушение церковных установлений (неподобающая пища во время Великого поста) огорчило и возмутило Иоакима. Поэтому он «со многою горестию» спросил «предстоящих»: «Что творит таковая государь, яко в Великий пост хошет питати мя рыбоу? Доколе сие будет развращение заповедем церковным!» На что услышал: «Тако государь повеле быти». Иоаким остается непреклонным и заявляет: «Государь святая восточныя Церкви, матери наша, истинный сын и исполнитель заповеде ея, а мне во святой Великий пост почто рыбы повелех предлагати на трапезу мою?» На этом видение обрывается, патриарх «обретохся паки седя на ложи своем».

Автор Послания предлагает свою трактовку видения. В преамбуле к рассказу он замечает: «бысть ему, святейшему патриарху, извѣщания, яко да с радостию преидѣт от мира сего ко Отцу небесному» (л. 34 об.–35). И в конце рассказа повторяется та же мысль: «И сего ради...видим збывшееся святое Евангелие, глаголаше: “Блажен, иже снѣст обѣд во царствии Божии”. И паки во Откровѣнии святаго Иоанна Богослова: “Блаженни, звании на вечерю брака Агнча”. Но о сем точию ему, святейшему Иоакиму патриарху, о восхождении извѣстися» (л. 37 об.–38). Евангельские цитаты выполняют функцию *тематического ключа* (термин Р. Пиккио [8, с. 152–153]), открывающего один из смыслов сюжета: приглашение патриарха к царской трапезе символизирует призвание его в Небесное царствие. Видение содержит и публицистический подтекст, в котором угадывается отношение визионера (и самого автора) к земному царю, нарушающему церковные установления [9, с. 115–127]. Одновременно в обличительных словах патриарха прочитывается и дидактический смысл (как известно, поучение – один из ключевых элементов структуры визионерского жанра [7, с. 36]).

ВИДЕНИЕ ИГУМЕНА СРЕТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ ПАХОМИЯ

Игумену Пахомию патриарх Иоаким явился в сновидении за три дня до своей кончины. Здесь также упоминается Царь, к которому шествует патриарх «с великою славою и украшением великим патриаршеским» в сопровождении «нездешних жителей», умерших бояр (Ивана Лызлова и Беклемишева) и патриарших диаконов (Иоанна Калитина и Дионисия Дятловского), также покойных. Игумен Пахомий следит за восхождением патриарха по ступеням царского крыльца и слышит голос его «проводников»: «Отче игуменѣ, что ты зриши за Иоакимом патриархом, яко Царь ему повелѣ у себя быти» (л. 39–39 об.).

Здесь, как и в первом откровении, действуют проводники из загробного мира, присутствует мотив призвания к небесному Царю. Появляются новые мотивы и образы: непомерно высокое царское крыльцо (высота не позволяет визионеру смотреть вверх), которое ассоциируется с образом «небесной лестницы» (Быт 28: 12); пасхальное облачение патриарха, символизирующее воскресение и вечную жизнь. Любопытно, что в диалоге Пахомия с «душеводителями» патриарха затрагивается тема перехода в инобытие в ее религиозно-нравственном аспекте. Игумен задает «проводникам» вопрос о том, как они умирали: «Да како умирали есте?». И получает ответ: «Знло убо бысть в смерти трудно нам, ин убо есть суд Божий, а ин человеческий»

3 О соотношении устной и письменной традиций в жанре видений см.: [6, с. 163–169]. Этот вопрос сопрягается с проблемой влияния «двойного» и «тройного» авторства на сюжет видений (до его письменной фиксации), которая затронута в работе Б.И. Ярхо (на материале западноевропейских сочинений визионерского жанра) [7, с. 23–25].

(л. 39 об.).

Дидактический посыл этого фрагмента видения становится очевидным, если обратиться к «Слову о преставлении отца нашего Агафона»⁴, которое цитируют «нездешние жители». Сочинение повествует о том, как преподобный Агафон перед смертью три дня сидел неподвижно, «имѣя очи отверсты и не двиг ею». На недоуменный вопрос братии он ответил, что видит себя на Суде Христовом. Инокіи выразили удивление, что такой праведник страшится предстать перед Богом: «Да или и ты боишися Суда... Не надѣеши ли ся на длѣхъ своемъ, яко есть о Бозѣ?» Преподобный ответил, что он исполнял Божии заповеди по силе своей, но как грешный человек не может знать, угодны ли его дела Богу. И добавил: «Ин бо есть Суд Божий, а ин человекъ». Заключает Слово следующее толкование: «Сия убо сице и твердо и добрѣ покаяния образъ предаша. И многу убо силу намъ покаяниемъ Богъ подаютъ на омытіе нашихъ согрѣшеній»⁵. То есть в земной жизни необходимо заботиться об искуплении грехов покаянием и добрыми делами, всегда помня о Страшном суде, который в отличие от земного несовершенного суда будет неподкупным и праведным, от него ничто не скроется. Именно такой поучительный смысл прочитывается в заключительных словах видения игумена Пахомия: «ин убо есть судъ Божий, а ин человекъ».

ВИДЕНИЕ «РЫБНИКА» ПЕТРА

Во время литургии в Успенском соборе некий Петр, «рыбник», увидел наяву патриарха Иоакима (к этому времени уже покойного), который «во олтари с кандиломъ хождаше, поддержимъ двѣма дияконы» (л. 53 об.). Ясновидец обратился к присутствующим в храме прихожанам: «Зритѣ, братіе, святѣйшаго патриарха взяша от гроба, и се кадыца святымъ кадиломъ? Водятъ его диякони». Выяснилось, что никто этого не видел, «не открыся бо имъ». Но Петр снова пытается привлечь внимание к тому, что ему открылось, и обращается к окружающим: «Смотритѣ, братіе, яко и на горнѣ мѣсто его возведоша» (л. 54). После этих слов видение исчезло, визионер «очнотися от видѣнія и умолча».

В данном откровении особое символическое значение имеет сакральное пространство алтаря и горнее место, куда диаконы («проводники» из другого мира) возводят восставшего из гроба патриарха. То есть, он вновь, как и в предыдущих видениях, поднимается к небесам: алтарь, как известно, символизирует горный мир [10, с. 55].

ВИДЕНИЕ ПЕРВОЕ ЦАРСКОГО СТОЛЬНИКА ГЕОРГИЯ

Царскому стольнику после слезной молитвы об упокоении души патриарха Иоакима он явился в сновидении. Стольник видит патриарха в церкви Двенадцати Апостолов, «идуща во святѣй олтари в мантии и в бѣломъ своемъ клобукѣ, имѣюща и посохъ патриаршескый» (л. 55 об.). По пути Иоаким благословляет стольника и дает ему «главу свою пощловати, якоже подаютъ патриархъ и архиерей къ благороднымъ людямъ» (л. 55 об.–56). Видение заканчивается уходом патриарха в алтарь.

Здесь, как и в предыдущем сюжете, события видения связаны с сакральным пространством алтаря, куда направляется патриарх и где совершает каждение. Правда, структура видения имеет более сложный вид. Можно наблюдать появление некоторых традиционных топов визионерского жанра, отсутствующих в рассмотренных выше сюжетах. Так, особо отмечается благочестие визионера и предшествующая чудесному событию его усердная и слезная молитва.

ВИДЕНИЕ ДОМСТИКА НОВОСПАССКОГО МОНАСТЫРЯ ХАРЛАМПІЯ

Действие видения разворачивается в трапезной Новоспасского монастыря: Явившийся Харлампію «предъ благовѣстомъ утрени» патриарх трижды благословляет его «обѣма рукама по хрепту». Игнатий расценивает патриаршее благословение Харлампія как знак прощения его патриархом: «Во извѣщение же прощение и сие ему от него бысть велие видѣние»⁶ (л. 58 об.). Авторская трактовка видения сопрягается здесь и с темой его личной вины перед патриархом⁷. Игнатий истолковывает посмертное явление Иоакима в Новоспасский монастырь (где он желал найти упокоение) в положительном для себя ключе: «Сия же аз слышахъ от него, порадовахся, и яко святѣйшій Иоакимъ патриархъ, аще гдѣ и положенъ будетъ, но духомъ уже по сему видѣнію съ нами есть» (л. 58 об.–59). Судя по этой радостной реакции Игнатия на рассказ Харлампія, его собственная вина перед патриархом представляется ему заглаженной.

Особое значение в сюжете видения имеет мотив света, в сиянии которого предстает перед Харлампіем

4 Пролог. М., 1643, л. 9.

5 Там же.

6 В рассказе имеется пояснение автора о том, что Харлампій был постриженником Иоакима в бытность его архимандритом Чудова монастыря и за какую-то провинность снял гнев будущего патриарха, который даже хотел лишить его монашеского образа, но «видя его в монастыре твердость, паки прости его и образъ монашескый повелѣ имѣти ему» (л. 58 об.).

7 Игнатий не смог выполнить предсмертную просьбу патриарха о погребении его в Новоспасском монастыре.

патриарх на монастырском крыльце («трапеза же и крыльцо бѣху без мѣры свѣтлии»). Сверхъестественный неземной свет – традиционный топос агиографических текстов; он сопутствует духовной жизни подвижников [11, с. 521, 528–530]; в ослепительном сиянии являются ангелы и святые в видениях; и в контексте рассматриваемого сюжета созерцаемый визионером свет маркирует святость героя повествования.

ВИДЕНИЕ ВТОРОЕ ЦАРСКОГО СТОЛЬНИКА ГЕОРГИЯ

Уснув после совершения «обычного правила», царский стольник Георгий оказывается в Успенском соборе, где патриарх Иоаким совершает литургию Василия Великого. Стольник как будто бы помогает патриарху вести службу. После совершения литургии патриарх причастил всех присутствующих, в том числе и визионера. Когда же он «очнулся» от видения, «обрѣте сердце свое многия сладости исполнено» (л.61).

Это видение царского стольника обнаруживает сюжетную близость с первым его видением. Ему также предшествует молитва, затем следует сон визионера, чудесные события также происходят в храме. Там и тут отмечается особое расположение патриарха к стольнику (очевидно, из-за его исключительного благочестия): в первом видении он благословляет Георгия и дает поцеловать ему свою голову (при этом другого стольника Иоаким лишает этой привилегии), во втором – причащает его.

ВИДЕНИЕ АНДРЕЯ ВИННИУСА

Покойный патриарх Иоаким явился Винниусу во сне со словами: «побереги образ мой, яко и впред пригодится». До этого Винниус помышлял избавиться от имевшейся у него «живописанной иконы» Иоакима, сомневаясь в целесообразности оставлять у себя изображение патриарха после его кончины.

Автор сопровождает видение следующими словами: «Он же, возбнув от сна, попремногу благодарствоваше Бога, и святѣйшаго Иоакима патриарха прославляше, и глаголаше, яко воистину угодник есть Божий, и образ его почиташе» (л. 62 об.). В содержании сюжета отражена тема почитания Иоакима в кругу его единомышленников, что свидетельствует о строившихся планах канонизации патриарха.

ВИДЕНИЕ АРХИМАНДРИТА ПЕТРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ ИОВА

Архимандриту Иову покойный патриарх также является в сновидении. Архимандрит сопровождает его в церковь Двенадцати Апостолов. По пути патриарх наставляет Иова «о хранении и о попечении монастыря и братства» и предупреждает его: «В монастыре твоём братия суть самовластнии, потреба тебе над ними зѣло смотрити» (л. 63 об.). В сюжете прослеживаются характерные для святительского жития мотивы учительства, пастырской заботы; содержится намек на провидческий дар патриарха, что также является одним из традиционных элементов агиографической топики.

ВИДЕНИЕ ТРЕТЬЕ ЦАРСКОГО СТОЛЬНИКА ГЕОРГИЯ

После чтения келейного правила Георгий засыпает и видит себя в Успенском соборе, где патриарх «поучаше народы зѣло пользно и умилитѣльно». Проповедь патриарха приводит визионера в состоянии необыкновенной духовной радости; он обливается слезами от умиления. «Возбнув же от сна, обрѣте лицѣ свое, многих слѣз исполнено, сердце же его радостию и веселием наполнися» (л. 64 об.).

Здесь, как и в предыдущих сюжетах, представлены не все элементы традиционной жанровой структуры и топики видений. Потусторонний мир лишь приоткрыт перед взором тайнозрителя, внимание сосредоточено на главном персонаже видения – патриархе Иоакиме, который является окружающим его при жизни людям,

чтобы поддержать их своими поучениями и молитвами, укрепить их мужество, дать «утешение» и духовную радость.

Итак, уход из жизни патриарха Иоакима описан Игнатием Римским-Корсаковым как благочестивая кончина житийного героя с использованием этикетных средств агиографического повествования, среди которых особое место принадлежит жанру видений. В каждом из видений рассмотренного цикла в той или иной форме обосновывается мысль о праведности и святости патриарха («воистину угодник есть Божий» – л. 62 об.). Этот смысловой посыл составляет подоплеку всех рассказов о явлении патриарха своим почитателям, он изначально определял задачу автора: «Пишу сия ничесо же ради иного, но да незабвенно будет такового пречестнаго и добродѣтелнаго подвижника добродѣянна, видим бо, яко и по смерти его Господь Бог нам, чадом его, таковая святыми молитвами его подают утѣшение» (л. 59–59 об.). Насыщенные символическими мотивами и образами сюжеты видений усилили агиографический аспект повествования о кончине

предстоятеля Церкви, позволили автору создать житийный образ святителя, литературно воплотить идею прославления патриарха Иоакима.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каган М.Д.* Житие Иоакима патриарха // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII век), ч. 1. С. 351–355.
2. *Панич Т.В.* Житие патриарха Иоакима (вопросы атрибуции, истории текста и литературной специфики памятника) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2010. С. 41–94.
3. *Панич Т.В.* Послание Игнатия Римского-Корсакова Афанасию Холмогорскому о смерти патриарха Иоакима (автор как рассказчик и участник описываемых событий) // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. С. 121–127.
4. *Ромодановская Е.К.* Русская литература на пороге Нового времени: пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994.
5. *Ромодановская Е.К.* Рассказы сибирских крестьян о видениях (к вопросу о специфике жанра видений) // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 141–156.
6. *Пигин А.В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006.
7. *Ярхо Б.И.* Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. С. 21–55.
8. *Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003.
9. *Панич Т.В.* Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004.
10. *Беляев Л.А.* Алтарь // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 54–55.
11. *Бычков В.* 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica. М. СПб., 1999. Т. 1.
12. *Прокофьев Н.И.* Видение как жанр в древнерусской литературе // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. М., 1964. Т. 231. С. 35–56.

*Статья поступила
в редакцию 20.04.2012*